

ЭТНОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЁВА В СВЕТЕ ХРИСТИАНСТВА

В.Д. Захаров

*Всероссийский институт научной и технической информации
Российская Федерация, 125190, Москва, А-190, ул. Усиевича, 20*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению этнологии в трудах Л.Н. Гумилева, Л.Н. Толстого, В. Вернадского и других отечественных и зарубежных мыслителей. Особое внимание уделено научной и религиозной (христианской) трактовке этноса, его происхождения и сущности.

Ключевые слова: этнология, метафизика, биосфера, первосущность, физикализм, архетипы.

Можно ли научить истории?

Министерство образования сейчас озабочено написанием единого учебника истории для школьников. Задумка хорошая. Однако осуществима ли она? наших детей хотят научить истории, но научить можно лишь тому, что само носит черты научного знания. Является ли история наукой? Можно ли научить истории?

Каждая наука имеет свой конкретный предмет. Какой он у истории? Приведем ответ, который дала рациональная философия истории в лице Г.Ф. Гегеля: предмет истории есть человечество и движение человечества. (Речь шла о едином пути общечеловеческой эволюции как стадий диалектического саморазвития Мирового Духа).

Ему возразил Фр. Ницше, «переоценщик всех ценностей». Он сказал, что человечество вообще никуда и ни к чему не движется по той простой причине, что его самого, человечества, как такового, нет. Понимать это, видимо, нужно так: нет человечества как единого объекта науки, об эволюции которого можно говорить. Предметом истории, если она есть наука, является не «человечество», а то, из чего оно складывается и что мы обозначаем словом «народы». Попробуем разобраться, что это такое.

Л.Н. Толстой в философском фрагменте к роману «Война и мир» ставит вопрос: «Какая сила движет народами?» (и ни слова ни о каком «человечестве»). Сразу видно, что вопрос поставлен вполне научно: в нём говорится о силе. Если история – наука, то пусть ответит на научно поставленный вопрос, пусть укажет силу и закон её действия. Никто не требует от истории, чтобы она называла природу этой силы. Например, И. Ньютон не задавался вопросом о природе тяготения, но он назвал силу, движущую телами, и указал закон её действия. Тем самым он создал науку о тяготении. Под наукой достаточно

понимать одну только феноменологию, не посягая на права метафизики, которая берётся объяснить субстанции, *сущности* вещей. Достаточно, если эта наука описывает только явления, которые она умеет предсказывать (так, теория Ньютона умела предсказывать любые явления, обусловленные силой тяготения, как на Земле, так и на Небе).

Умела ли что-либо предсказывать история? Попробуйте назвать какие-либо её предсказания.

Этнография и Библия

Остаётся фактом, что европейская социология (вот она-то и занимается историей «народов»), именовавшая себя наукой и открыто выступавшая против метафизики, не смогла предложить никакой последовательной феноменологической теории исторического процесса. До сегодняшнего дня эта «наука» не открыла ни одного универсального закона, управляющего движением народов, и, естественно, никогда не умела предсказать ни одно историческое событие, например войну или революцию. Не смешно ли, что В.И. Ленин, не без основания считавший себя вооружённым передовой европейской мыслью, воспитывавшийся на Гегеле и Марксе, категорически отказался поверить в феврале 1917 г. всяким слухам о том, что в России без его участия осуществилась его мечта – началась революция (поверил лишь, когда до Цюриха дошли российские газеты)? О народах и их судьбах более правдиво говорит Библия, чем научно выверенная этнография, которая вот уже 300 лет демонстрирует свое научное бессилие, не выработав метода изучения народов (мы бы сейчас сказали: научного метода) и классифицируя их по случайным признакам. Разумеется, она не могла выработать никакого определения термина «народ», не говоря уже о движущих силах и причинах его возникновения.

Что же говорит о народах Библия? Она тоже ничего не говорит о «человечестве», а говорит вот что: «Бог живой... в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями» (Деян. св. апостолов 14, 16). Эта фраза взята мною из русского перевода славянского текста Библии, в котором «народ», «род», «земля» обозначаются единым словом «языцы». В свою очередь, это слово есть славянский перевод греческого слова «этнос». Этот изначальный термин и употребляет Л. Гумилёв.

Л. Гумилёв был глубоко верующим человеком твёрдой православной веры, прекрасно знал учение Церкви и в детстве даже хотел стать священником. Для него история – не наука, творимая человеком: история человечества творится Богом, который движет народы по своим, неведомым человеку путям.

Своё учение об этносах Л. Гумилёв создавал, имея, конечно, в виду приведённую нами библейскую фразу о путях, которыми каждый этнос ходит под Богом. Не потому ли эти пути неисповедимы, что это – пути Божии? Не случайно оказалось, что определить этнос на человеческом языке невозможно. Оказалось, что за «этносом» скрывается некая первоначальная, исходящая от

единого Бога, сущность, которая, как и любая сущность, не может быть выведена из таких чисто социальных категорий, как «народ», «племя» или «нация». Эти образования существовали не всегда, или, по крайней мере, формы их заменялись до неузнаваемости и у различных народов эти понятия не означали одного и того же. Между тем этносы как формы существования вида *Homo sapiens* существовали всегда. Всегда человечество, в отличие от животного мира, делилось на таинственные для нас сообщества, противопоставлявшие себя другим, как «мы» – и «не мы». «Всегда» – это значит в течение последних 50 тыс. лет – периода существования открытого в археологических раскопках неантропа, называемого «современным человеком». За этот период человек, в отличие от других млекопитающих, распространился по всей поверхности земной суши, в самых разных ландшафтах и климатических условиях. Как видим, способ существования в подобных сообществах индуцировал исключительную приспособляемость человека к самым различным природным условиям. Это означает, что не какие-то специфические природные условия порождали такую форму существования – напротив, она содержала в себе самой внутренний источник приспособляемости к самым разнообразным внешним условиям. Из этого также видно, насколько мало общего имеет этнос с биологической популяцией, а этнические различия – с различиями расовыми. С другой стороны, есть у этноса и нечто общее с популяцией – это комплементарность (термин Л. Н. Гумилёва), ощущение подсознательной взаимной близости особей друг к другу, объединяющее индивиды в сообщества.

Что же объединяет людей в сообщества? По Л. Гумилёву: «Как известно, человек – животное общественное, никто этого оспаривать не будет. И, следовательно, сказали некоторые “мыслители”, все отношения между людьми – это отношения только общественные, то есть социальные. А раз они делятся на этносы, – это тоже явление социальное» [1]. Л. Гумилёв опровергает измышления этих «мыслителей»: комплементарность – явление не социальное, оно наблюдается у диких животных, а у домашних известно каждому. Однако этнос ни в коем случае не является аналогом муравейника или стада. Этнос, в отличие от любой популяции животных, вообще не есть совокупность сходных особей и не может быть определен никаким признаком сходства.

Что такое этнос?

Таких признаков сходства нам предлагали множество: общность языка, территории, происхождения, исторической судьбы, экономической жизни... Так ведь нас и учили... Самое смешное – это убедиться, как легко разоблачается то, что нами было воспринято некритически, но вбито в голову с детства как непререкаемая истина.

Французы – этнос, хотя на единой территории своего единого этноса говорят на четырех языках (французском, провансальском, бретонском и гасконском). Те же французы, переселившиеся на иную территорию –

в Канаду – в XVIII в., до сих пор этнического лица не потеряли, не превратились в англичан или «канадцев» и не смешались с соседями. Историческая судьба может быть единой у двух-трех народностей и разной – в пределах одной народности. Об общности происхождения говорить вообще нелепо, так как нет ни одного этноса, который не происходил бы от разных предков. Наконец, возникновение экономической формации (например, феодальной) не обнаруживает ни хронологической, ни территориальной корреляции с возникновением этносов (например, англичан, французов). Несколько разных этносов могут быть объединены экономическими связями, но эти связи не совпадают с этническими – не образуют суперэтнос. Этносы объединяются в более широкие системы – суперэтносы – в силу того же принципа комплементарности, на этот раз – межэтнической. В то же время на протяжении жизни одного суперэтноса, например западноевропейского, формы экономических связей и даже сама общественно-экономическая формация менялись радикально.

Как видим, ни один из этих факторов также не определяет этнос, природа которого глубже каждого из них и всех их, вместе взятых. Эти «объективные» факторы – скорее не факторы, а лишь параметры, в той или иной степени характеризующие специфику любого этноса, но не указывающие на его суть, потому что ни один этнос, в отличие от биологических особей, не похож ни на какой другой. Сущность этноса – то общее, что можно вынести за скобки у всех этносов, – не поддается никакой объективной характеристике.

Что движет народами?

Возникновение этносов также зависит от множества феноменологических параметров, доступных научному изучению, – социальных, религиозных, биологических и природно-географических, ни один из которых, однако, не универсален. Каждый из них в той или иной степени описывает лишь условия возникновения этносов, но не его причину. Возьмем, например, фактор религиозный. При возникновении новой секты или учения его адепты могут выделиться в особый этнос, а могут остаться и в старом этносе, сохраняя свою веру и убеждения. С индийскими сикхами случилось первое, и они образовали новый этнос; а с русскими старообрядцами этого не произошло, и их сектантская изоляция не привела к этнической дивергенции – выделению из старого, русского этноса. Другой пример касается роли географического фактора в этногенезе. Большое значение этому фактору придавали русские ученые-евразийцы (Г. Вернадский, Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.). Они даже разработали серьезное геополитическое учение, показывающее, что особенности ландшафта и географическая распространённость народов («месторазвитие») могут не только влиять на жизнь этносов, но и способствовать этнической дивергенции. Однако никакой единой закономерности такого влияния ни им, ни кому бы то ни было после них найти не удалось. Иногда этнические различия можно объяснить разнообразием географических условий, но иногда эти различия существуют и там, где климат и ландшафты

весьма близки между собой. Вместе с тем если бы причина этнической дивергенции лежала в географических условиях, то эти последние, как постоянно действующие факторы, способствовали бы народообразованию, чего в действительности не наблюдается. Напротив, этносы тысячелетиями могут не возникать в очень даже удобных географических условиях. Очевидно, климатические условия и ландшафт могут воздействовать на то, что уже есть – на существующие этносы, но они не могут создать новый этнос.

Наиболее ценная, на мой взгляд, часть капитального труда Д.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [2] – критическая. Она посвящена доказательству двух положений: 1) «Нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире нет и не было ни одной человеческой особи, которая была бы внеэтнична»; 2) Нет ни одного фактора в нашем земном опыте, который являлся бы причиной этногенеза всегда и во всех случаях.

Является ли этнос категорией сознания?

Может быть, категория этноса потому столь неуловима, что не содержит в себе ничего реального, проявляя себя лишь в условном самоназвании?

Да, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Однако адекватно ли это самосознание (проявляющееся в самоназвании) отражает этническую принадлежность? Известно, что несколько разных этносов могут принимать одно и то же этническое наименование (этноним), и, наоборот, части одного этноса могут называться по-разному. Этническая принадлежность обнаруживается в сознании, но сама она не есть продукт сознания – нельзя сознательно, по договоренности, объединиться в этнос. Нельзя волевым решением сменить свою этническую принадлежность, как меняют гражданское состояние или подданство. Нельзя записать себя в другой этнос, хотя можно записать себя в другую национальность или другое вероисповедание. «Произведите меня в немцы», – издевательски попросил в 1812 г. казачий атаман Платов у главнокомандующего русской армией Барклая де Толли. Украина сейчас тоже хочет записать себя в другой, нерусский этнос. Не получится. Принадлежность Украины и России к единому суперэтносу, объединявшему в себе множество различных народов (этносов), нельзя изменить по собственному желанию. Украина сколько угодно может изменять свой этноним – этим она не изменит свою подлинную этническую принадлежность. «Этнос – явление природы, а не сознания» (Гумилёв).

Сила, движущая народами

Итак, примем тезис Гумилёва: этнос – это явление природы. Однако мы уже видели, что ни один из всех природных факторов этногенеза, во множестве приводившихся в нашей и зарубежной этнографической литературе, в действительности не является инвариантом – не присутствует в этногенезе с необходимостью. Ни один из них не порождает этнос, хотя каждый в разной

степени может благоприятствовать его возникновению. Это означает, что и вся их совокупность сама по себе не может вызвать появление новых этносов. Но ведь этносы возникали всегда, а их ассимиляция и дивергенция происходят на наших глазах, – тогда, значит, таинственный инвариантный фактор этногенеза существует. Л. Гумилёв до времени назвал его «фактором икс».

На вопрос о силе, движущей народами, Л. Толстой ответил, что сила эта трансцендентна, иначе она давно была бы открыта в сфере явлений опыта. Неужели гумилёвский «фактор икс» тоже трансцендентен и находится в небесах? Точно так: он находится в Космосе.

Гумилёв нашел метод изучения этносферы, применив к ней общую теорию замкнутых систем. Главное в теории систем – связи между элементами, а не сами элементы, которые могут совсем не походить друг на друга. Разрушение связей приводит к исчезновению системы. Так исчезают народы даже при сохранении индивидов – элементов системы. Под действием чего они возникают? Или, точнее, чем проявляет себя этногенный фактор икс? Гумилев увидел движущую силу этногенеза в открытой В. Вернадским биохимической энергии, приносимой в организмы из Космоса. Он обнаружил способ действия этой силы – пассионарный толчок. Оказалось, что рождение этноса всегда сопровождается вспышкой «энергии» (вот он – инвариантный фактор!), биологически трансформированной (это уже гипотеза Гумилева) через микромутации у отдельных индивидов – пассионариев.

Опровержение глобализма

Основной нерв позитивной части теории Гумилёва – это идея пассионарного толчка как энергетического источника этногенеза. История любого этноса четко характеризуется сменой его энергетических состояний: толчок (вспышка энергии) – подъем – перегрев – упадок – затухание (рассеяние энергии), адекватно отвечающих фазам этногенеза в собственном историческом времени этноса: рождение – взлёт (акматическая фаза) – спад (резкий надлом) – инерционная фаза – обскурация – смерть (смещение с соседями, если не наступает гомеостаз). Подобные фазы жизни народов до Гумилёва называл Тойнби, о смертности этносов писали уже Данилевский и Шпенглер – все, кто и в России, и в Европе отвергли идеологию поступательного эволюционного «прогресса». Однако никто из них не назвал движущую силу этногенеза, а потому и не открыл его естественный закон. Энергетический механизм смены этнических фаз был полной неожиданностью.

Оказалось, что этнос живет запасом полученной извне энергии, подверженной, как в термодинамической системе, необратимому рассеянию. Этим было показано, что сама жизнедеятельность этноса, которая означает непрерывно производимое энтропии, необратимо движет его к рассеянию внутренней энергии. То есть либо к разрушению системы – исчезновению связей, либо к равновесному состоянию – состоянию реликта или персистента, характеризующемуся максимумом энтропии. Отсюда прямо вытекало, что если бы человечество могло интегрироваться в единый суперэтнос,

то оно, как любой этнос, или погибло бы как целостность от энтропийного энергетического истощения, или через весьма небольшой в историческом масштабе промежуток времени – около 1200 лет – прекратило бы этническое развитие, превратившись в реликт. (Этот промежуток времени стал доступен вычислению с тех пор, как В. Вернадским был указан биохимический механизм накопления энергии.)

Это закон природный, а не социокультурный, и его нельзя отменить или заменить никакой международной социальной регуляцией. Общечеловеческий суперэтнос невозможен. Человечество никому никогда не удастся интегрировать – ни единой «общечеловеческой» культурой (космополитизм), ни единой религией (экуменизм). Вот так, математически, на кончике пера был опровергнут мондиализм – идея рациональной интеграции народов в единое человечество, на деле являющаяся программой национального обезличения народов. Этнос, не дошедший до стадии обскурации и не находящийся в состоянии гомеостаза, всегда есть система резистентная, и его невозможно ни ликвидировать, ни слить с другим этносом по благим желаниям людей, какие бы естественные мотивы люди при этом ни использовали, будь то близость культур, религий, географического положения, экономических связей.

Тело, душа и дух этноса

На первый взгляд, естественный закон, открытый Гумилевым, разрешает загадку этноса и силы, движущей историей. Это было бы так, если бы этногенез был только естественным процессом, а человек – только природным существом.

Взгляд на человека как на природное существо, подчиненное естественным законам, сложился в западной мысли в век Просвещения. На этом основании рациональная философия верила в свою способность объяснить историю средствами только разума и из естественных причин.

Философские фрагменты романа «Война и мир» – великая насмешка над этим «научным пониманием истории», которое бралось объяснить всё, но не объяснило ничего: отвергло божественную силу, но не нашло взамен никаких естественных сил, движущих народами. Причину этого Л. Толстой видел в свободе воли человека – отличительном свойстве *Homo sapiens*.

Свобода воли означает возможность совершить любой из двух разных, противоположных по характеру поступков в одних и тех же условиях; иными словами, совершить действие без причины – то, чего не в состоянии совершить Буриданов осёл в известной логической проблеме. Для разума такая возможность – противоречие, ибо она отрицает принцип естественной причинности и заменяет его иной причинностью – свободной. «Возможна ли свободная причинность – или всё совершается в мире только по законам природы?» – задаёт вопрос И. Кант и доказывает, что любой ответ на этот вопрос будет одинаково правильным и неправильным. Приняв естественную причинность, приходится отвергнуть свободу воли, ибо свобода для разума – противоречие. Теперь понятно, почему все естественные «законы» движения

народов всегда опровергались исторической действительностью. Эти законы относятся к чему угодно, только не к действительной жизни действительного человечества, ибо нет жизни человека без свободной воли, как нет жизни этноса без его ментальности.

Ментальность (лат. *mens* – дух), в соответствии с древнехристианским принципом трихотомического деления человека на тело, душу и дух, можно определить как всю область человеческого бытия, противостоящую его соматической (телесной) основе. Ментальность существует как у отдельных индивидов, так и у этносов, и великим вопросом во все века был вопрос: является ли ментальность субстанцией? (или, выражаясь популярно: что первично – ментальность или сома?). Если ментальность – субстанция, то, как видим, она сверхприродна и не может быть описана естественной причинностью. Тогда становится ясным, почему этнос неопределим никакими естественными параметрами. В самом деле, по Л. Гумилёву, этнос представляет собой единство трех элементов: 1) кормящего ландшафта (он порождает чувство «родины»), 2) традиции (чувство «отечества») и 3) творческих мифов и художественных произведений. Второй и третий из этих элементов невыводимы из «природы», они принадлежат к сфере ментальности и не обнаружимы в природных явлениях. Ментальность – это сверхприродная онтологическая основа этноса. Поэтому нельзя называть этнос «явлением природы», как делает сам Гумилёв («этнос – явление природы, а не сознания»). Только это позволяет нам понять естественную необъяснимость этноса.

Много столетий велась борьба вокруг фундаментального вопроса: можно ли свести ментальность к соматической основе жизни? Знаменитая психофизическая проблема была частью этой грандиозной борьбы и сводилась к вопросу: детерминированы ли психические образы материальными (физическими) воздействиями? Если да (так отвечала рефлексология), то психосфера безостаточно описывается естественной причинностью. Если нет (так отвечал неовитализм со времён Р. Вирхова), то ментальность уже в области психики субстанциальна и не подвержена природной необходимости.

В XX в. идея детерминации потерпела поражение. С одной стороны, нейронномикробиологические исследования показали, что невозможно моделировать функции нервных цепей в жестко детерминированных сетях формальных нейронов. С другой стороны, в психосфере были открыты гештальты – устойчивые состояния, которые не могут быть обусловлены непосредственным действием раздражителя. Так восторжествовала идея Р. Вирхова и Г. Дриша о существовании в психосфере сверхматериальных закономерностей, непространственных и нефизических, названных Г. Дришом «психоидой», или «энтелехией».

Учёное незнание

Если нечто недоступно знанию – означает ли это, что оно никак не может быть познано? В частности, Сократ говорил, что он ничего не знает, но считал своё незнание весьма полезным для себя, потому что оно позволяло ему

разоблачить многие предрассудки «знающих». Спустя почти два тысячелетия Николай Кузанский разъяснил нам, какую пользу может приносить незнание, создав свою философию «учёного незнания» [3]. Само название указывает на то, что незнание может чему-то научить. Примером является так называемая «отрицательная теология». Что мы можем «знать» о Боге? Только то, чем Он не является: Бог *не есть* камень (идол), *не есть* огонь, не есть вообще природа. Разве это не приближает нас к богопознанию, хотя Бог так и остаётся для нас тайной? Познание через незнание стало называться *апофатическим* познанием.

Познание, означающее знание через незнание, означает знание через миф. Такое познание раскрывает нам этнос как смысловую (семантическую) реальность. История может познать этнос не потому, что она есть наука, а потому, что она есть религиозный миф. Философы, начиная с Фр. Шеллинга, рассматривают миф как первоначальную историю человечества.

В мифах первобытных народов Карл Юнг увидел апофатический способ познания невидимой и непространственной реальности, о которой мы имеем представление благодаря присутствию в нашей психике её осознаваемых прообразов. Он назвал такие образы *архетипическими представлениями*, имея в виду их неосознаваемый сверхматериальный прообраз, называемый архетипом. Психосфера – это лишь арена проявления этой невидимой субстанции в форме мифов, снов, религиозной и сказочной символики. Язык символов – единственно возможный язык, на котором великие творческие мифы говорили о вечных сущностях. Тогда в них открывается особая мистическая реальность, названная Леви-Брюлем «сверхприродой».

Архетипическая природа этноса

Теперь можно утверждать, что «природа» этноса – сверхприродная, архетипическая. Рождение этноса есть разрыв в природном бытии, разрыв цепи естественной причинности, свидетельствующий о вторжении в природный мир сверхприродных сил. В глубинной (субстанциальной) основе ментальности лежит констелляция архетипов, внешним феноменалистическим проявлением которой является комплементарность – системные связи этноса. Подобно тому, как в астрологии звезды полагаются неизменными, меняется же их взаимное расположение, – так и различные сочетания неизменных архетипов вызывают рождение различных этносов. Если К. Юнг рассматривает архетипы лишь как описательное обозначение безличных платоновских вечных идей («эйдосов»), то в христианской метафизике сами эйдосы – вечные (несотворенные) идеи Бога, вошедшие в тварный мир в акте миротворения. Архетипические сущности вечны и, конечно, не могут изменяться вместе с изменяющимся миром; но тварный мир подвержен изменениям вследствие изменения констелляций архетипов – предвечных кирпичиков мироздания.

Что же такое этнология Гумилёва?

Возможна ли наука о непознаваемом? Учёное незнание отвечает: да! Наука ведь не претендует на познание субстанций: она ограничивается явлениями. Аристотель сказал, что сущность является, явление же существенно, то есть сущность и явление нераздельны.

Непознаваемое тоже является, и то, что является (называемое *эпифеноменом*), доступно науке. Это и есть настоящее незнание – *не знание* сущности. Оно основано на причинной связи явлений и называется физическим (физикалистским) познанием. Все факторы этногенеза – это эпифеномены скрытых метафизических сущностей.

Эпифеномены сопровождают субстанцию, её надо искать там, где есть эпифеномен. Вследствие этого физикалистское познание соприкасается с метафизикой. Причинный ряд вдруг обрывается и начинается метафизика. Причинный ряд явлений, которым наука объясняет факты, не может уходить в бесконечность.

Причинную цепь всегда приходится обрывать, без этого невозможна и сама феноменология. Это понимал еще Аристотель, который считал, что всякая наука должна начинаться с постулата – факта, не требующего причинного объяснения, иначе невозможно понимание ни одного явления. Всякая феноменология должна осознать свой конвенциональный характер – согласиться, на каких именно фактах (постулатах теории) следует оборвать причинный ряд. Парадоксально звучит, но истинно научной теорией следует назвать ту, которая подошла к границам науки, соприкоснулась с вненаучным, трансцендентным. Именно таковой является этнология Гумилёва.

Гораздо важнее другое – цепь причинно-следственных явлений обрывается Гумилёвым именно в том месте, где она уходит за пределы земного опыта. Пассионарный толчок – это такой разрыв естественной причинности, который закрыт для научного познания. Это такой постулат, который недоступен опытной проверке. Причина возникновения этносов – их этнический источник – вынесена Гумилёвым в Космос. Это в полной мере равнозначно признанию, что теория не претендует на его познание. Так как условия, создающие в Космосе причину пассионарных толчков, невоспроизводимы, то они метафизичны в точном смысле этого слова.

Не случайно ведь «Космос» – не научное понятие. Гумилев употребляет это понятие именно в том смысле, в котором И. Кант доказывает его противоречивость для разума (Первая антиномия трансцендентальных идей). Фактор *икс* был найден, но за пределами феноменологии, и надо было выйти за эти пределы, чтобы найти его.

Почему теория Л. Гумилёва не даёт возможности предсказывать пассионарные толчки? Не потому, конечно, что она плоха как феноменология, а потому, что причина толчков лежит вне природных явлений. Конstellации архетипов не дают себя познать в природном мире. Случайность (а потому непредсказуемость) пассионарных толчков – лучшее доказательство того, что здесь наука как таковая кончается. Здесь, на пограничной линии

с метафизикой, кончается естественная причинность, а значит, и традиционное «объяснение».

Весь контекст теории Гумилёва наталкивает именно на такую интерпретацию пассионарных толчков, и Гумилев это чувствует, но тщетно пытается выразить эту мысль на физикалистском языке. Следуя В. Вернадскому, он «объясняет» устойчивость биосферы постоянными подпитками из Космоса в форме энергии пассионарных толчков: Природа-де сама заботится о поддержании жизни. Природа? Утверждать подобную целенаправленную функцию Природы (словно она разумное Существо) – значит приписывать природной материи свойства Духа, а такой примитивный гилозоизм давно уже оставлен философией и был возрожден разве что в «марксистской диалектике». Сводить дух к материи значило бы отвергать субстанциальность ментальности, первоосновы этноса. Но этнология, игнорирующая ментальность, уничтожает себя сама: этнос без ментальности – то же самое, что homo без sapiens. Да и каким образом выразить на физикалистском языке такую целенаправленную функцию Природы, если ни «Природа», ни «Космос», ни даже «энергия» на этот язык непереводимы?

Гумилёв, гениально угадав, что этногенный фактор – энергетический, так и не понял, что означает «энергия» его пассионарных толчков. Он хотел оставаться только учёным и пытался понимать энергию только как учёный, но... Спросите любого физика, что такое вообще есть энергия, и лучшее, что он сможет сделать, – это укажет вам лишь операциональный способ вычисления энергии некоторых (и то не всех) конкретных полей – электромагнитного, слабого, да и то теоретически строго (априори) не обоснованный. Для единственного универсального (нигде не устранимого) поля – гравитационного – он не укажет даже и этого. Удивительно, но факт: самое важное, стержневое понятие физики до сих пор так и не определено на языке самой физики.

В физике понятие «энергия» – лишь по видимости научное. Физика соприкасается в этом пункте с метафизикой, как бы она её ни боялась. Однако бояться, как мы уже видели, здесь нечего: настоящая наука – та, которая умеет осознать свою неизбежную границу – демаркационную линию, отделяющую ее от метафизики. Создатель философского физикализма О. Нейрат так это и квалифицировал бы: «энергия», равно как и «Космос», – это понятия, находящиеся по ту сторону демаркационной линии, и на физикалистский язык непереводимы. За много веков до Нейрата это уже понимала христианская метафизика, которая удержала греческое понятие «энергия», имевшее у Аристотеля формообразующий, архетипический смысл. В этом же смысле св. Григорий Палама учит о нетварных божественных энергиях, в форме которых вечные формообразующие сущности входят в мир. Архетипы, как вечные идеи Бога, – это концентрации миротворящей божественной энергии. Миротворение (в том числе образование этносов) происходит и сейчас: новые концентрации божественных энергий в форме новых констелляций архетипов творят этносы.

Гумилёв не решился (или не мог?) говорить о первосущностях: вместо «констелляций архетипов» он употребляет наукообразный термин «констелляции ритмов этнических полей». Увы, «этнические поля» на физикалистский язык тоже непереводимы. Эмпирически не обнаруженные, они столь же рационально не эксплицируемы и, следовательно, в той же мере метафизичны, как и «архетип».

Почему Гумилёв, осознав, что этнос – не только природное явление, описывает его только в терминах физикализма? Почему он как будто забыл про душу и дух этноса? Куда делся его религиозный взгляд на историю? Я думаю, это потому, что физикалистский язык, на котором говорит наука, совсем не есть язык символов, которым говорят об архетипах. Начав говорить на одном языке, невозможно перейти на другой.

Однако, говоря только на языке науки, Гумилёв не мог не натолкнуться на демаркационную линию, отделяющую её от метафизики, даже если он и не заметил эту границу, на которой обрывается причинный ряд феноменов. Создавая только феноменологию, он не заметил, что под его руками произошло чудо – наука о человечестве впервые натолкнулась на границу чисто феноменологического познания. Это чудо должно было произойти, потому что человек и есть чудо – творение не природное, а Божие. Примечательно, что все ученые авторитеты встретили теорию Гумилёва в штыки: они нутром почувствовали идущую от неё угрозу, готовую подорвать все их представления о науке. Время признания подлинных достижений Гумилёва впереди, когда они будут интерпретированы совсем по-иному, нежели теперь, при нынешней несовершенной и спорной научной методологии. Может быть, тогда они позволят с совсем иной точки зрения выявить подлинные силы, управляющие историей народов. Для этого теория Гумилёва должна быть переведена с языка физикализма на язык символов – стать герменевтикой этносов.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2013.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990.
3. Кузанский Н. Об учёном незнании. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979.

ETHNOLOGY L.N. GUMILEV IN THE LIGHT OF CHRISTIANITY

V.D. Zakharov

*All-Russian Institute of Scientific and Technical Information
20 Usievicha St., A-190, Moscow, 125190, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the discussion of ethnology in the works of L.N. Gumilyov, L.N. Tolstoy, V. Vernadsky and other domestic and foreign thinkers. Special attention is paid to the scientific and religious (Christian) interpretation of the ethnos, its origin and essence.

Keywords: ethnology, metaphysics, biosphere, primordial essence, physicalism, archetypes.